

МУРЭМЛІК

ПРОДАТОК
ЯКОЇ
В.І.І.

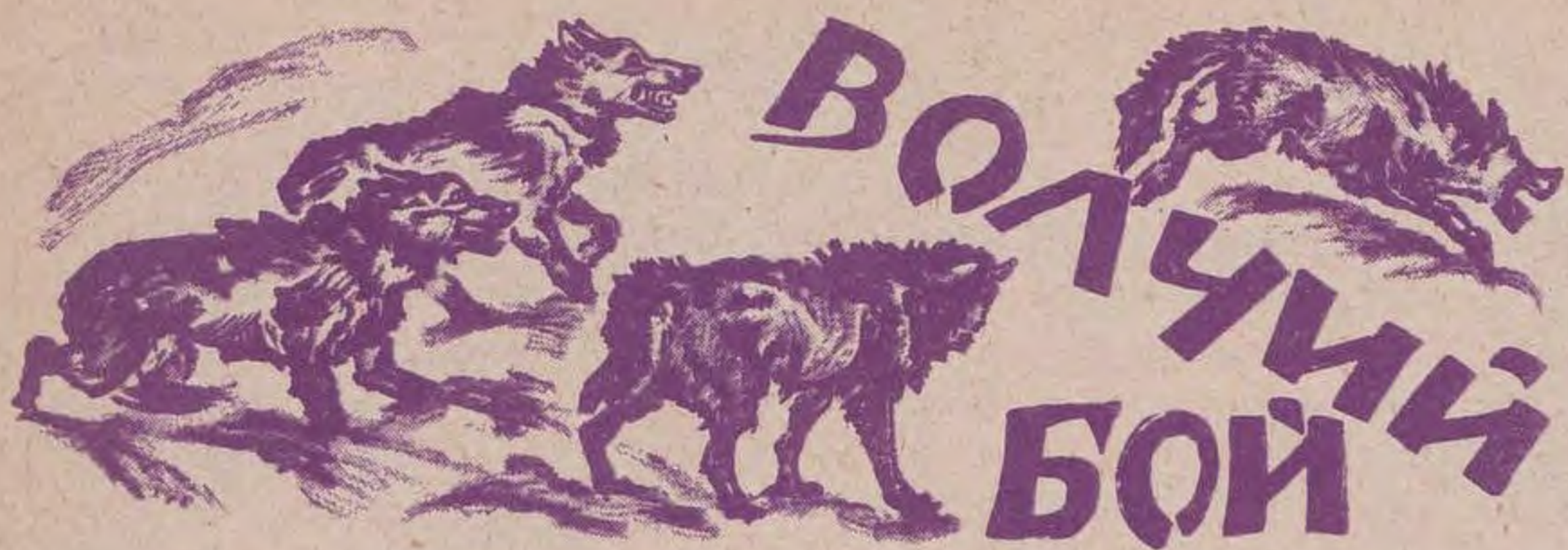

XX 461

11

НОЯБРЬ
1927

ИЗД. „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“

Широки киргизские степи, вольно гуляет по ним перелетный ветер, волнами пробегая по высокому ковылю.

Большой табун, хороший табун лошадей пасет Гаяз со своим братом Кара-Кумом. Целый день носятся они на конях по широкой степи. Лошади разбрелись далеко друг от друга в поисках лучшего корма. Но киргизы не тревожат их,—они только зорко следят за ними.

Волки страшны... Волки собираются целой стаей, чтобы напасть на табун, где жеребята для них—самая лучшая добыча.

Окружат волки лошадь с жеребенком, повалят они их на землю, разорвут на части...

Гаяз с братом охраняют табун. Но сами лошади не доверяют им. Есть у них свой сторож—статный, сильный жеребец—вороной, весь черный, без единой отметинки.

Пасется табун,—вороной щиплет траву, но уши его настороже. Нет-нет и поднимет голову, вдохнет воздух широкими нозд-

рями, осмотрится вокруг себя,—и опять щиплет траву...

А Гаяз помнит, как однажды в степи волки напали на табун,—и поднялась настоящая война между волками и лошадьми.

К вечеру было дело...

Внезапно тревожно заржал вороной жеребец... Ударил копытом о землю. Глаза у него налились кровью, ноздри раздулись.

Снова ржет он тревожно и гневно.

Гаяз вздрогнул; насторожился и Кара-Кум...

— Беда какая-то! Сгоняй лошадей!..—крикнул Гаяз.

Но уже тревожно ржут и лошади и жеребята, и вихрем мчатся к вороному жеребцу... Сбились в кучу... В середину матери мордами загнали жеребят, стали к ним головой, плотным кольцом окружили детенышей.

А вороной с другими жеребцами тревожно бегают вокруг всего табуна...

— Смотри, Кара-Кум, — волки,—говорит Гаяз.

— Да, Гаяз... Вижу...

Шевелится ковыль. Крадутся волки в высокой траве... Полукругом ползут к табуна все ближе и ближе...

Несколько жеребцов и озверевших маток, тесно прижавшись друг к другу, стремительно бросаются на волков... Гремят копыта, сердито фыркают кони, ржут как-то особенно злобно и дико.

Тяжелые копыта с силой ударяют ближайшего волка по голове,—с воем отползают волки, ляская зубами, назад, рассыпаются в разные стороны.

Но лошади не гонятся в одиночку за каждым из них. Тесной шеренгой мчатся они на волков, гонят их дальше от табуна...

Но и волки хитры, — часть их подбирается к маткам и жеребяткам,—пока другие отводят жеребцов все дальше и дальше от табуна...

А весь табун наготове.

— Ничего, Кара - Кум, ничего!—говорит Гаяз.

— Я знаю, Гаяз, беды не будет!..

Жеребята в кругу маток; матки стоят головой к ним, задом к надвигающемуся врагу...

Они не стоят как вкопанные на месте... Они уперлись в зем-

лю передними ногами, прижали уши и с бешенством бьют задними ногами...

Сунулся было к ним волк поближе других, — но со страшной силой копыта отбрасывают его далеко от себя... Вон отлетел серый разбойник с разбитой головой; вон другой корчится от удара в живот и с трудом отползает прочь от табуна. Но жеребята не дают ему уйти... Они бьют его, топчут ногами,—и через минуту в высоком ковыле неподвижно лежит обезображенная туша волка.

Гаяз помнит эту битву хорошо. Помнит ее и Кара-Кум...

— Чем кончилось дело? — спрашивали их на кочевьи вечером, когда они вернулись домой.

— Все кони целы, — сказал спокойно Гаяз.—Вороной конь—хороший конь. Он бережет свой табун... Ему не надо только мешать... И мы не мешали ему.

— Много волков было, Гаяз?..

— Не считал!.. Но на двух коней по волку было... А весь табун цел,—все матки целы, — целы все до последнего жеребенка.

Добрый конь у меня—вороной жеребец...

А. Федэ.